

DOI 10.35775/PSI.2025.118.6.021

УДК 327

Ю.П. ТИХОНОВ

преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Факультета международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва

E-mail: tikhonov-yp@ranepa.ru

SPIN: 9430-5665

ORCID: 0000-0001-7438-9053

СТРАНОВОЙ КОММУНИКАЦИОННЫЙ РЕЖИМ КАК СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена актуальному вопросу регулирования информационного пространства государствами. Вопрос о государственном суверенитете в информационном пространстве (информационном суверенитете) является предметом дискуссий научного и политического сообществ, ввиду отсутствия единого понимания, какими признаками он детерминирован, какие аспекты являются приоритетными и какую степень государственного регулирования он подразумевает. Автором поставлена цель проанализировать страновой коммуникационный режим как потенциальный инструмент регулирования информационного суверенитета. На основе методики комплексного анализа странового коммуникационного режима и основываясь на реалистском подходе в международных отношениях и теории секьюритизации, автором рассматриваются как параметры странового коммуникационного режима, которые могут соответствовать представлениям об суверенном в информационном пространстве государстве, так и параметры, ведущие к рискам утраты контроля над информационным пространством и потере суверенитета. Автор приходит к выводу о корреляции понимания информационного суверенитета и необходимых параметров коммуникационного режима в соответствии с конкретными национальными интересами, которые представляют либо экзистенциальные внутривнутриполитические вопросы, либо напрямую связаны с ролью государства на международной арене. В связи с этим перед государствами стоит задача по поиску необходимого оптимума, который бы позволил удовлетворить государственные интересы, обеспечить стабильность и нужную степень автономности, и в то же время нивелировал негативное внешнее влияние.

Ключевые слова: коммуникационный режим, влияние, национальные интересы, информационная безопасность, информационный суверенитет, мировой порядок, международные отношения.

Введение. На современном этапе в контексте трансформации системы мирового порядка вновь актуализировались дискуссии о понятии «суверенитет». Они стали предметом дискурса как политических лидеров, отмечающих значимость данного феномена в своих публичных выступлениях, в стратегических документах разных стран. Параллельно с этим возникает и обсуждение данных вопросов среди исследователей и экспертов – за последнее время в дискуссионных клубах как России и зарубежья (Валдай, СВОП, др.), а также на многих тематических научных конференциях, часто можно обнаружить ту или иную секцию, связанную с тематикой «нового мирового порядка». Принимая во внимание жизнь в информационную эпоху, где охват коммуникации и способы ее осуществления стали истинно глобальными и всеобъемлющими, государства начали проявлять усиленное внимание к данной сфере как имеющей потенциал с точки зрения распространения влияния. В доктринах, стратегиях и концепциях стали появляться положения, связанные с понятиями «информационной безопасности» и «информационного суверенитета», что может служить подтверждением данного тезиса о признании фактора информационных технологий как значимых для государства. Не являются исключением и стратегические документы Российской Федерации – помимо раздела в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и профильных документов, связанных с данной сферой (Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, Концепция информационной безопасности детей), в актуальной редакции Концепции внешней политики Российской Федерации (от 31.03.2023):

- 7 раз упоминаются информационно-коммуникационные технологии как инструмент реализации внешней политики и вызов ей;
- 10 раз упоминается информационное пространство в контексте обеспечения национальных интересов РФ.

Данные 2 контекста употребления дефиниций, связанных с информационно-коммуникационным обменом, фактически, обозначают те 2 направления, которые вызывают у государств наибольший интерес. С одной стороны, прослеживается потенциал использования данного поля в целях продвижения собственных интересов, представления собственной позиции, как инструмента «мягкой силы». С другой стороны, явно подчеркивается контекст потенциальных угроз, которые могут быть вызваны ответным влиянием, как на третьи страны, где в таком случае оказываются под угрозой интересы, так и непосредственно на само государство, которое видит в этом угрозу. Обусловленность данной угрозы лежит в плоскости регулирования – информационно-коммуникационное пространство остается одной из самых развитых и одновременно неурегулированных с точки зрения международного права областей. Международное право уже успешно урегулировало нейтральный статус космических тел, Антарктики

(пусть он периодически и оспаривается некоторыми державами) и некоторые другие несколько далекие от повседневной жизни вопросы, но до сих пор не справилось с синхронизацией подходов к «правилам игры» в информационно-коммуникационном пространстве.

В связи с этим, государства берут инициативу и создают локальные правила, распространяя их насколько возможно, поскольку сохранение вакуума ведет к злоупотреблениям и угрозам со стороны других акторов международных отношений. Таким образом, перед государствами возникает сложная практическая дилемма по регулированию и институционализации коммуникации – как упорядочить, как контролировать и как при этом не закрыться от внешнего мира. В связи с этим в дискурсе возникает вопрос о коммуникационных режимах как способе институционализации коммуникации и их параметрах, которые призваны решить данную проблему и найти необходимый и соответствующий интересам конкретного государства баланс.

Страновой коммуникационный режим как инструмент внешней политики. В 2020 г. в научном дискурсе было определено понятие странового коммуникационного режима как управляемой (с разной степенью управляемости) совокупности взаимосвязанных условий, принципов, норм, правил (и санкций за их невыполнение), принятых для достижения целей упорядочивания и регулирования коммуникаций и информации в общественной системе [4. С. 14]. Научная концепция, разработанная Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций, за 5 лет исследований позволила получить полноценное представление о классификации коммуникационных режимов, их параметрах, а также накопить значительную эмпирическую базу по коммуникационным режимам постсоветского пространства в результате ежегодного мониторинга, позволяющего рассмотреть режим в динамике [6]. В частности, основными типологиями страновых коммуникационных режимов являются:

- по степени зависимости (зависимые, частично зависимые и независимые от внешних акторов коммуникационные режимы);
- по степени открытости (открытые, гибридные и закрытые для доступа внешних акторов);
- по степени управляемости/регуляции (управляемые и хаотичные);
- по степени дружелюбности (дружественные, частично дружественные и недружественные) [2. С. 38-49].

Классификация режимов, как и сам мониторинг, представляют для нас отдельный интерес, поскольку позволяют получить четкую корреляцию между внутривнутриполитическим регулированием коммуникации и ролью странового коммуникационного режима во внешней политике. С одной стороны, мы понимаем, что коммуникационный режим представляет нормы, которые в первую очередь призваны упорядочить коммуникацию внутри страны и сделать ее в возможной и необходимой степени автономной (что соотносится с достижением внутреннего суверенитета в информационном пространстве). От этого зависят и параметры коммуникационного режима в соответствии с вышеозначенной

типологией – насколько он открытый, зависимый, дружественный по отношению к внешним акторам. Управляемость также во взаимосвязи с зависимостью может быть внутренней и внешней, которая может, в свою очередь быть согласована с внутренним центром [5. С. 148]. С другой стороны, правила коммуникации распространяются на взаимодействие с другими государствами и здесь важным параметром выступает дружелюбность режимов, которая позволяет выстраивать индивидуальный подход во взаимодействии со странами и предпринимать соответствующие регуляторные меры, в т.ч. в части обеспечения независимости внутреннего коммуникационного режима от данных внешних акторов или же, напротив, усиления взаимозависимости и интегрированности с дружественными режимами и создания единого информационно-коммуникационного пространства. Наконец, даже во взаимодействии с недружественными режимами, государство может использовать коммуникацию как способ снижения напряжения, увеличения роста симпатий или, как минимум, представления собственной позиции по актуальным вопросам. Таким образом, во внешней политике страновой коммуникационный режим выступает как продолжение внутренних правил коммуникации, которые могут служить следующим целям:

- 1) обеспечение представления позиции государства за рубежом;
- 2) инструмент повышения доверия и упрочения коммуникации с дружественными странами;
- 3) инструмент противодействия внешнему влиянию со стороны недружественных государств и распространению влияния на них в целях снижения напряжения и трансформации отношения населения и государства.

Таким образом, страновой коммуникационный режим как внешнеполитический феномен в значительной степени вносит вклад в обеспечение нормативного и идейного компонентов регулирования общественных отношений для обеспечения непосредственно информационного суверенитета, который будет рассмотрен далее.

Информационный суверенитет как приоритет государственной политики. В современной науке не существует единого подхода к осмыслению понятия информационного суверенитета [10. С. 138-139; 4. С. 102-108]. Термин является условным, употребляющийся также в качестве синонимов к понятиям «киберсуверенитета», «цифрового суверенитета», «технологического суверенитета», «сетевого суверенитета», «суверенитета данных» и др. В зависимости от предмета рассмотрения информационный суверенитет может соотноситься с технологическим, ценностно-культурным, социальным или политическим аспектами жизни общества. Соответственно, при использовании соответствующего термина акцент может быть расставлен в пользу одного из компонентов данного комплексного явления. В частности, авторы относят к таким компонентам не только технологические (инфраструктуру и архитектуру обмена данными), но и социальные компоненты (субъектов коммуникации, непосредственно сами данные и общественные отношения в сфере информационного обмена и их регулирование) [12. С. 87]. В российских стратегических документах

используется конструкция «суверенитет Российской Федерации в информационном пространстве», под которой, как и под информационным суверенитетом понимается именно системное осмысление мер, связанных с разными аспектами регулирования автономности информационного пространства.

Под государственным суверенитетом в информационном пространстве (информационным суверенитетом) понимается самостоятельность государства от внешних акторов в формировании информационной политики, управлении информационными потоками и каналами информационно-коммуникационного обмена, обеспечении информационной безопасности. Понятие включает в себя любые явления, связанные с информационно-коммуникационной сферой жизни общества.

Как приоритет государственной политики суверенитет в информационном пространстве отражен в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (п. 56) [9], в Концепции внешней политики Российской Федерации [8], в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации [7]. При этом все данные документы не ставят акцент сугубо на противостоянии внешним угрозам, что опять же значимо, учитывая сложность и специфику сферу коммуникации. При рассмотрении суверенитета в информационном пространстве следует отказаться от классического общепринятого деления на внешне- и внутриполитическую компоненты, так как они тесно взаимосвязаны, что в свою очередь усложняет регулирование внешнего воздействия, т.к. оно не обязательно является таковым, по крайней мере, формально. Воздействие на информационное пространство государства может оказываться не только внешними центрами принятия решений, но и изнутри государства при наличии запроса со стороны общества на необходимое разнообразие, технических средств, а также каналов финансирования.

Таким образом, говоря о достижении информационного суверенитета стоит отметить, что чаще всего, термин употребляется, в первую очередь в контексте технологического суверенитета и регулирования технологий обмена информацией. При этом стоит отметить, что наиболее сложным с точки зрения регулирования является именно второй, связанный с общественными отношениями компонент – это связано непосредственно с вариативностью каналов коммуникации, акторов, ненаблюдаемостью отдельных компонентов, а также субъект-субъектным характером коммуникационного обмена. Коммуникационный режим как научная категория учитывает вышеизложенные компоненты, что позволяет принимать решения о его настройке с учетом данного значимого фактора. Поэтому, в дальнейшем, говоря о взаимосвязи коммуникационного режима и информационного суверенитета, мы в первую очередь будем сосредотачиваться на социальном аспекте последнего.

Обеспечение информационного суверенитета посредством странового коммуникационного режима. Рассмотрев выше две ключевые категории, становится очевидным, что и исследования коммуникационных режимов, и государственная политика по обеспечению суверенитета в информационном

пространстве сталкиваются с общей задачей – поиском «идеального типа». Нахождение данного типа позволило бы получить приближенное представление о том, что является истинным «информационным суверенитетом», и какой коммуникационный режим является оптимальным для его установления.

Проблема поиска данного «идеального типа» связана в первую очередь с тем, что государства имеют совершенно разные подходы к регулированию коммуникации и необходимости данного суверенитета в целом, а также несопоставимые возможности на это влиять. В то время как крупнейшие акторы международных отношений стремятся, с одной стороны, обезопасить себя от влияния себе подобных, они абсолютно не против оказания влияния на бывшие колониальные страны или средние и малые державы. При этом средние и малые державы, справедливо апеллируя к принципу суверенного равенства государств, закрепленному в Уставе ООН, не торопятся отказываться от глобализационных и интеграционных процессов, которые не способствуют усилению их суверенитета и субъектности на международной арене, но позволяют решить отдельные краткосрочные проблемы. Данная амбивалентность ставит под вопрос, какой тип является идеальным для государства в зависимости от роли государства в системе международных отношений. Является ли, с одной стороны практически полностью изолированный закрытый коммуникационный режим, но с другой стороны зависящий от внешних поставок оборудования, программного обеспечения режим в КНДР отражением государственного суверенитета в информационном пространстве? Является ли таковым коммуникационный режим США, который достаточно открыт для различных каналов и акторов коммуникации, но при этом обладает всем необходимым инструментарием для регулирования СМИ, деятельности НКО, а также активно использовал данный инструментарий (прим. – до приостановки деятельности отдельных агентств и СМИ администрацией Д. Трампа [13]) для ведения внешней политики? Сам по себе вопрос автономности обоих режимов от остального мира и их самостоятельности уже является дискуссионным, но становится очевидным, что построение данных режимов основано на совершенно разных принципах и трактовках государственного суверенитета в информационном пространстве. И все же, у данных режимов имеются некоторые общие черты, которые имеет смысл указать.

Во-первых, не будем забывать о том, что суверенитет в информационном пространстве является неотъемлемым компонентом государственного суверенитета, в связи с чем необходимо отметить, что данный вопрос в первую очередь затрагивает государства, для которых данный вопрос является вопросом секьюритизации. Под секьюритизацией понимается трактовка, предложенная О. Вейвером [1. С. 21], а в нашем конкретно случае – видение актором данного вопроса в качестве экзистенциального, и, следовательно, требующего чрезвычайного реагирования на малейшие угрозы безопасности. Проследить секьюритизацию можно в основных стратегических документах или официальных заявлениях первых лиц государства. Например, уже описанный ранее массив нормативных актов, принятых в РФ, наличие приоритета «киберрезистентности»

в Национальном стратегическом обзоре Франции (*Revue nationale stratégique*) [16] или обозначение направления защиты киберпространства в Стратегии национальной безопасности США [15] – все это является проявлениями секьюритизации данной части как компонента национальной безопасности.

Во-вторых, в развитие темы стратегических документов, стоит отметить, что коммуникационный режим подразумевает наличие регулирующих мер. В рамках нормативного регулирования государства стремятся институционализировать и регламентировать деятельность основных каналов распространения иностранного влияния – средств массовой информации и некоммерческих (используются также в ряде стран непубличных, общественных) организаций. Степень регулирования и жесткость законодательства варьируется от приоритетов национальной политики, но в последнее время внедрение законодательства об иностранных агентах (в Великобритании, Франции, Грузии и др.), а также активизация дискуссий по данному вопросу, является маркером того, что государства если и не стремятся изолировать себя от иностранного влияния, то по крайней мере желают его контролировать и делать более прозрачным. К другим проявлениям подобного регулирования со стороны коммуникационного режима можно отнести регулирование иновещания за счет, например, инструментов квотирования, выделения долей, а также ограничения иностранной доли собственности СМИ. Недопуск отдельных СМИ, ограничение доступа к ним также является отдельным инструментом ограничения влияния.

В-третьих, балансировка данного законодательства происходит непосредственно в зависимости от политических интересов и приоритетов. В первую очередь суверенитета стремятся достигнуть от тех акторов, влияние и деятельность которых не соответствует представлениям о внешнеполитическом курсе страны и ее интересах. Здесь стоит вновь упомянуть о классификации коммуникационных режимов на дружественные и недружественные, так как она подразумевает непосредственно стремление ограничить или наоборот облегчить коммуникации с конкретным государством. Помимо упомянутых выше законов об иностранных агентах, принимающихся в различных странах, которые могут существенно ограничивать масштабы деятельности, ключевым вопросом стоит регулирование доступа к СМИ и социальным сетям. В частности, ссылаясь на мониторинг коммуникационных режимов на постсоветском пространстве можно привести примеры ограничения коммуникации в виде упомянутого выше недопуска отдельных СМИ – так, в странах Прибалтики практически полностью сведена на ноль деятельность российских СМИ, при этом речь касается не только классических СМИ (ТВ, радио, газеты), но распространяется и на Интернет-СМИ, а в отдельных странах и на социальные сети [6]. Отсутствие ограничений, обеспечивающее свободу входа и диверсификацию каналов информации также является спецификой законодательного регулирования (например, в Республике Армения одновременно функционируют и Спутник Армения, и Azatutyun.am (1)), но сопряжено с рядом долгосрочных угроз информационному суверенитету, которые рассмотрим ниже.

Угрозы информационному суверенитету под влиянием страновых коммуникационных режимов. Стремление не зависеть от одних акторов коммуникации на практике не имеет необходимого эффекта, поскольку в данных попытках государство имеет риск попасть в зависимость от противоположных акторов. Данная тенденция в том числе прослеживается и на постсоветском пространстве, где на замену российским средствам массовой информации, социальным сетям приходят альтернативные субституты, представленные другими государствами, имеющими интересы в регионе. В частности, в тюркоязычных странах имеет место тенденция отхода от российских СМИ к турецким, на всем постсоветском пространстве происходит увеличение роли иностранных социальных сетей в качестве канала коммуникации (Facebook (2), Instagram (2), TikTok и др.) [6], что позволяет создать диверсификацию информационных каналов, но не автономность от потребления иностранного информационного контента. При этом чрезмерная диверсификация несет в себе существенные риски, т.к. при отсутствии регулирования страновой коммуникационный режим может стать эпицентром противостояния различных акторов, что может привести к его фрагментации, поляризации населения и создавать риск для государственной безопасности.

Отсутствие создания собственной альтернативы, или же низкая популярность собственных СМИ и социальных сетей, в свою очередь, потенциально ведет к потере контроля над потребляемым и предоставляемым контентом, который фактически грозит государству информационным неокOLONиализмом. Наибольшей угрозой является, когда в государстве возникает выраженная асимметрия коммуникации, при которой контент подается исключительно в интересах одного внешнего центра принятия решений, что планомерно происходило начиная с 2014 года и усиливалось на Украине [11. С. 108-119]. В связи с чем одним необходимо учитывать необходимое разнообразие источников и обеспечивать необходимый уровень регулирования для сохранения информационного суверенитета.

Наконец, отсутствие альтернативы, вызванное строгим контролем также потенциально создает риск релокации СМИ, НКО и медиа, которые могут эмигрировать под юрисдикцию другого государства, в связи с чем окажутся вне зоны контроля, но при этом они могут продолжать свою деятельность, в связи с чем возможны угрозы, связанные с формированием недружественного режима в государстве, под юрисдикцией которого находится данный актор коммуникации, а с другой стороны негативно влиять на внутреннюю коммуникацию в стране, при отсутствии соответствующего регулирования и ограничений на доступ к данным каналам коммуникации. Примером данного феномена могут быть белорусские и российские оппозиционные акторы, которые после событий 2020 и 2022 годов передислоцировались в страны Прибалтики и Польшу.

Таким образом к основным рискам для потери информационного суверенитета относятся следующие характеристики коммуникационного режима:

– стремление суверенизироваться в пользу другого актора и центра коммуникации, ведущее к диверсификации, которая при отсутствии должного регулирования ведет к потере контроля и управляемости режима;

– создание условий, не соответствующих необходимому разнообразию акторов, ведущее к информационному неокOLONIALИЗМУ;

– чрезмерная регламентация и ограничения могут приводить к эмиграции СМИ и НКО, которые, однако, могут продолжить функционировать и оказывать влияние на страновой коммуникационный режим и отношение к нему.

Заключение. Подводя итоги, следует отметить, что информационный суверенитет затрагивает систему социальных и технологических явлений в информационно-коммуникационной сфере и предполагает самостоятельность государственного регулирования аспектов, связанных с информационно-коммуникационным обменом. Страновой коммуникационный режим представляет интерес как инструмент обеспечения информационного суверенитета, т.к. производит локальную институционализацию фрагментированной коммуникации, а также акцентирует внимание на социальном компоненте суверенитета в информационном пространстве.

Управление коммуникационным режимом, формирование его резистентности к негативным внешним воздействиям должно являться приоритетом осмысленной государственной политики в сфере информационной безопасности. Понимание вопросов секьюритизации, внешнеполитических приоритетов могут быть использованы внешними акторами в качестве предмета манипулирования при отсутствии достаточной степени регуляции. В зависимости от параметров коммуникационного режима он может быть подвержен внешнему воздействию, что позволяет оказывать влияние на дискурс внутри коммуникационного режима, приводить к изменению ценностных установок, правил коммуникации, и как следствие, нести угрозу информационному суверенитету. Ключевым аспектом должно являться самостоятельное определение параметров коммуникационного режима с учетом национальных интересов, представляющих вопрос секьюритизации, внешнеполитических интересов, и выстроенной в зависимости от них системы регулирования. Стоит не забывать, что информационный суверенитет – это не обязательно возведение стен, но создание умных фильтров и механизмов восприятия и нивелирования угроз. Это требует от государств адекватного и сбалансированного подхода, принимая во внимание сложность объекта регулирования, а также интересы государства в связанном и глубоко интегрированном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Azatutyun.am – местная версия «Радио Свобода», признанное иностранным агентом и входящее в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

(2) Facebook, Instagram – продукты компании Meta, которая признана экстремистской организацией в Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Гайдаев О.С.** Теория секьюритизации, или хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32.
2. **Гасумянов В.И., Комлева В.В.** Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы // Международная жизнь. 2020. № 10.
3. **Грибин Н.П., Кохтюлина И.Н., Седунов Д.И., Соболев Е.И.** Информационный суверенитет: материалы научной дискуссии // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-100-131](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-100-131).
4. **Комлева В.В.** Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен // Россия и мир: научный диалог. 2021. № 1.
5. **Комлева В.В.** Управляемость страновых коммуникационных режимов // Коммуникология. 2022. Т. 10. № 1.
6. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружественности – 2024. Научный доклад по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран / В.И. Гасумянов, В.В. Комлева, О.В. Жуликова [и др.]. Москва: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2025.
7. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 (в исх. редакции) // СПС Гарант // <https://base.garant.ru/71556224/>.
8. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ № 229 от 31.03.2023 (в исх. редакции) // Президент России: официальный сайт // <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAyсLXOGGAgmVHQDloFCN2Ae.pdf>.
9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021 // СПС Гарант // <https://base.garant.ru/401425792/>.
10. **Пирогов А.И., Иванцов А.В.** Феномен информационного суверенитета государства: анализ политологического дискурса // ЭСГИ. 2021. № 4 (32).
11. **Тихонов Ю.П.** Формирование зависимого коммуникационного режима Украины: роль США // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 3 (5).
12. **Холодная Е.В.** Об информационном суверенитете // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.122.10.085-090>.
13. Continuing the Reduction of the Federal Bureaucracy // The White House. 2025 // <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/03/continuing-the-reduction-of-the-federal-bureaucracy/>.

14. Foreign reprisals against Russian journalists and media since the start of the special military operation in Ukraine (as of May 7, 2025) // The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 2025 // https://mid.ru/en/press_service/journalist_help/repressions/.
15. National Security Strategy. October 2022 // The White House. 2022 // <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.
16. Revue nationale stratégique 2022 // SGDSN. 2022 // <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022>.

YU.P. TIKHONOV

Lecturer of Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of Faculty of International Regional Studies and Regional Management, Institute of Public Administration and Civil Service of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia
SPIN: 9430-5665
ORCID: 0000-0001-7438-9053

COUNTRY COMMUNICATION REGIME AS A METHOD OF IMPACTING ON INFORMATION SOVEREIGNTY OF STATE

The article is devoted to the pressing issue of regulating the information space by states. The question of state sovereignty in the information space (information sovereignty) is a subject of discussion within scientific and political communities due to the lack of a standardized comprehensive approach to its defining characteristics, prioritized aspects, and the degree of state regulation it entails. The author aims to analyze the country communication regime as a potential tool for regulating information sovereignty. Based on comprehensive analysis methodology of the country communication regime and the realist approach in international relations and the theory of securitization, the author examines both the parameters of the country communication regime that may align with the notions of a sovereign state in the information space, and those that lead to risks of losing control over the information space and sovereignty. The author concludes that there is a correlation between the perception of information sovereignty and the necessary parameters of the communication regime according to specific national interests, which represent either existential domestic political issues or are directly linked to the state's role on the international stage. Consequently, the states face the task of finding the necessary optimum that would satisfy state interests, ensure stability and the required degree of autonomy, while also mitigating negative external influences.

Key words: communication regime, influence, national interests, information security, information sovereignty, world order, foreign affairs.